

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

ДАЙДЖЕСТ ПОДГОТОВИЛ ИЛЬЯ КАШНИЦКИЙ *

- *Coleman D., S. Basten, F. C. Billari.* Population — The long view
- *Billari F. C.* Integrating macro- and micro-level approaches in the explanation of population change
- *Livi-Bacci M.* What we can and cannot learn from the history of World population
- *Kreager P.* Population theory — A long view
- *Sear R.* Evolutionary contributions to the study of human fertility
- *Reher D. S.* Baby booms, busts, and population ageing in the developed world
- *Van Bavel J., D. S. Reher.* The baby boom and its causes: what we know and what we need to know
- *Lutz W., E. Striessnig.* Demographic aspects of climate change mitigation and adaptation
- *Demeny P.* Sub-replacement fertility in national populations: Can it be raised?
- *Teitelbaum M. S.* Political Demography: Powerful trends under-attended by demographic science
- *Basten S., Q. Jiang.* Fertility in China: an uncertain future
- *Coleman D., S. Basten.* The death of the West: An alternative view
- *Bongaarts J., C.Z. Guilmoto.* How many more missing women? Excess female mortality and prenatal sex selection, 1970-2050
- *Shon J.-L. P. K., G. Verdugo.* Forty years of immigrant segregation in France, 1968-2007. How different is the new immigration?
- *Sobotka T., É. Beaujouan.* Two is best? The persistence of a two-child family ideal in Europe
- *Esping-Andersen G., F. C. Billari.* Re-theorizing family demographics
- *Anderson T., H.-P. Kohler.* Low fertility, socioeconomic development, and gender
- *Doocy S., E. Lyles, T. D. Delbiso, C. W. Robinson, The IOCC/GOPA Study Team.* Internal displacement and the Syrian crisis: An analysis of trends from 2011–2014
- *Fakih A., M. Ibrahim.* The impact of Syrian refugees on the labor market in neighboring countries: Empirical evidence from Jordan
- *Bircan T., U. Sunata.* Educational assessment of Syrian refugees in Turkey
- *Yaylacı F. G., M. Karakuş.* Perceptions and newspaper coverage of Syrian refugees in Turkey

POPULATION — THE LONG VIEW ¹

Вводная статья редакторов специального выпуска журнала “Population Studies” обозначает актуальность переосмысления демографии и представляет вошедшие в номер статьи. Авторы отмечают назревшую необходимость более ясного позиционирования демографии как науки, комплексно объясняющей закономерности развития населения, а не только специфические процессы на протяжении демографического перехода. Демография нуждается в «обобщающем взгляде».

* E-mail: ikashnitsky@hse.ru

¹ Coleman D., S. Basten, F. C. Billari (2015). Population — The long view // Population Studies, 69(sup1):1–9.

INTEGRATING MACRO- AND MICRO-LEVEL APPROACHES IN THE EXPLANATION OF POPULATION CHANGE ²

Франческо Биллари рассуждает о взаимосвязи исследований населения на макро- и микроуровнях. За последние десятилетия вместе с качественным и количественным совершенствованием данных о населении демография претерпела любопытную трансформацию – население как объект изучения уступило в значимости человеку со всей сложной последовательностью демографических событий в его жизни. Этот переход с макроуровня на микроуровень пролил свет на многие до того не исследованные вопросы, однако мы потеряли представление о населении как таковом. Согласно схеме, приведенной в статье (рис. 1), на макроуровне происходят ключевые открытия, объяснить которые помогают исследования на микроуровне.

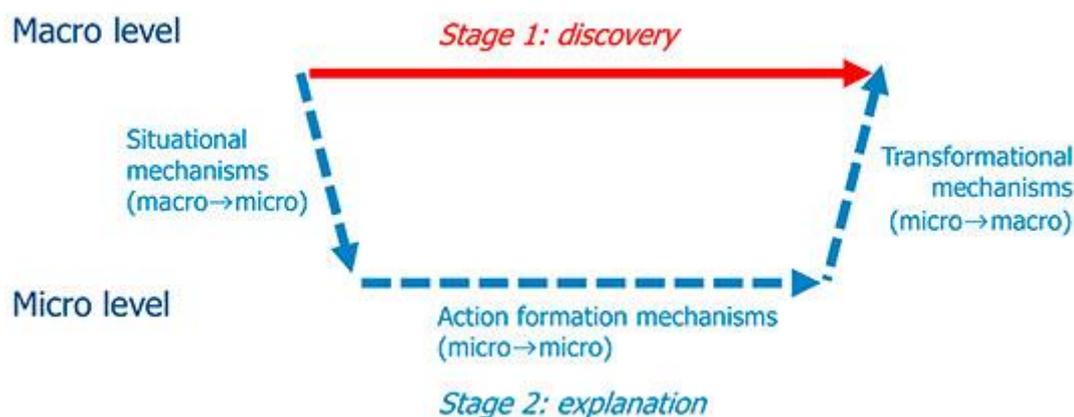

Рисунок 1. Двухстадийная схема демографического исследования

На протяжении десятилетий многие ведущие демографы признавали «ядром науки» только исследования на макроуровне. Признание исследований на микроуровне равноправной частью демографии и интеграция обоих подходов выведут демографию на качественно новый уровень. В этом автор и видит главную задачу демографии на годы вперед: демографам предстоит «собрать мозаику» разрозненных исследований на микроуровне в обобщенное представление о населении и законах, изменяющих его.

Мы живем в стремительно меняющемся мире. Много из того что мы наблюдаем никогда ранее не происходило. Существует множество вопросов о будущем человечества, на которые история не способна дать однозначного ответа. Но также есть и повторяющиеся сюжеты развития населения. О том, как изучение циклов развития населения помогает нам подготовиться к будущему размышляет.

² Billari F. C. (2015). Integrating macro- and micro-level approaches in the explanation of population change // Population Studies, 69(sup1): 11–20.

WHAT WE CAN AND CANNOT LEARN FROM THE HISTORY OF WORLD POPULATION ³

В статье Массимо Ливи-Бачи обсуждается вопрос о возможных изменениях географического распределения населения планеты. История богата примерами таких изменений, вытекавших из различий в демографических циклах населения различных континентов, регионов или стран. Демографический переход оказал мощное воздействие на географическое распределение населения, что связано с различиями во времени начала и скорости протекания демографического перехода в разных частях мира. Например, население Африки, составлявшее всего 9% населения планеты в 1950 году, по прогнозам, в 2050 году составит 25% мирового населения. Принесет ли повсеместное завершение демографического перехода в итоге стабильность географического распределения населения Земли? Скорее всего нет, утверждает автор, опираясь на многочисленные свидетельства цикличности развития демографических систем. Наивно полагать, что в будущем население как демографическая система будет подвержено меньшим внешним воздействиям, и разнообразие режимов и характеристик населения в разных регионах и странах сократится.

POPULATION THEORY — A LONG VIEW ⁴

Статья Филипа Кригера подробно освещает историю формирования теоретических концепций развития населения. Демография, утвердившаяся как самостоятельная научная дисциплина сравнительно поздно, только сейчас проходит фазу активной интеграции в более широкое научное пространство. Концепция демографического перехода, вокруг которой сформировалась классическая демография, определила преимущественно эмпирический характер демографических исследований и отсутствие собственной теоретической базы, на которую бы опирались все разнообразные исследования населения. В современном состоянии демография не может претендовать на комплексное описание законов развития населения, но все усиливающееся сближение ее с биологией позволяет надеяться на появление базовой теории в будущем. Любопытно, что развитие теории населения обращено не только в будущее. Перекрестный обмен накопленным опытом между демографией и биологией обогащает обе дисциплины и способствует формированию общего научного фундамента.

EVOLUTIONARY CONTRIBUTIONS TO THE STUDY OF HUMAN FERTILITY ⁵

Еще один «мостик» между биологией и демографией перекидывает статья Ребекки Сизэр, в которой автор предпринимает попытку обратить внимание демографов на обширный

³ Livi-Bacci M. (2015). What we can and cannot learn from the history of world population // *Population Studies*, 69(sup1): 21–28.

⁴ Kreager P. (2015). Population theory — A long view // *Population Studies*, 69(sup1): 29–37.

⁵ Sear R. (2015). Evolutionary contributions to the study of human fertility // *Population Studies*, 69(sup1): 39–55.

массив работ биологов-эволюционистов, посвященных изучению рождаемости. Сиэр утверждает, что один из ключевых вопросов демографии – почему современный рациональный человек заводит детей несмотря на очевидные сопутствующие издержки – можно осветить только с привлечением эволюционной биологии, поскольку социальные теории не могут дать на него непротиворечивого ответа. В статье приведен обширный систематизированный список работ эволюционистов, которые, по мнению автора, способны значительно обогатить изучение рождаемости демографами. В статье приведены ссылки на 146 научных работ.

BABY BOOMS, BUSTS, AND POPULATION AGEING IN THE DEVELOPED WORLD⁶

Дэвид Реэр демонстрирует в своей статье связь мощности бэби-бума и последующего спада рождаемости в развитых странах с ускоряющимся старением населения. Интенсивность бэби-бума Реэр измеряет с помощью метода, разработанного им ранее в соавторстве с Яном ван Бавелем⁷. Показатель интенсивности бэби-бума рассчитывается на основе общего коэффициента рождаемости (ОКР). Значения ОКР во время бэби-бума сравниваются с минимальным его значением до Второй Мировой войны. Сумма превышений ОКР за все годы бэби-бума над довоенным уровнем и отражает, по мнению авторов, мощность бэби-бума. Среди многочисленных результатов анализа особенно впечатляет иллюстрация положительной связи мощности бэби-бума и прогнозного роста численности пожилого населения (рис. 2).

В завершении статьи Реэр отмечает, что стремительное старение населения, наблюдающееся сегодня в развитых странах, скорее всего, прекратится с уходом поколения бэби-бума. Весьма вероятен даже значительный откат в тех странах, где спад рождаемости после бэби-бума был наиболее значительным.

DEMOGRAPHIC ASPECTS OF CLIMATE CHANGE MITIGATION AND ADAPTATION⁸

Вольфганг Лутц и Эрих Штрессинг привлекают внимание к сравнительно недавнему вкладу демографов в дискуссию об антропогенном изменении климата. Авторы утверждают, что только с учетом численности и структуры населения возможно корректно смоделировать сценарии глобального изменения климата и его последствия. При этом в своих моделях Лутц и Штрессинг учитывают образовательную структуру населения, поскольку есть свидетельства того, что более образованное население быстрее продвигается по пути снижения антропогенного воздействия на климат и адаптации к

⁶ Reher D. S. (2015). Baby booms, busts, and population ageing in the developed world // *Population Studies*, 69(sup1): 57–68.

⁷ Van Bavel J., D. S. Reher (2013). The baby boom and its causes: What we know and what we need to know // *Population and Development Review*, 39(2): 257–288.

⁸ Lutz W., E. Striessnig (2015). Demographic aspects of climate change mitigation and adaptation // *Population Studies*, 69(sup1): 69–76.

последствиям изменения климата. Сколько людей способна «выдержать» Земля зависит не только от численности населения, но и от качественных характеристик и адаптационных способностей населения. В последние годы группа исследователей, в число которой входят и авторы статьи, разработала новый концептуальный подход (Shared Socio-economic Pathways) к моделированию сценариев развития населения в условиях меняющегося климата, в котором учтены изменения характеристик возрастной и образовательной структуры населения. Авторы утверждают, что, в условиях неизбежно грядущего изменения климата, государственное регулирование, направленное на смягчение антропогенного влияния, обязательно должно учитывать возрастные и образовательные характеристики населения.

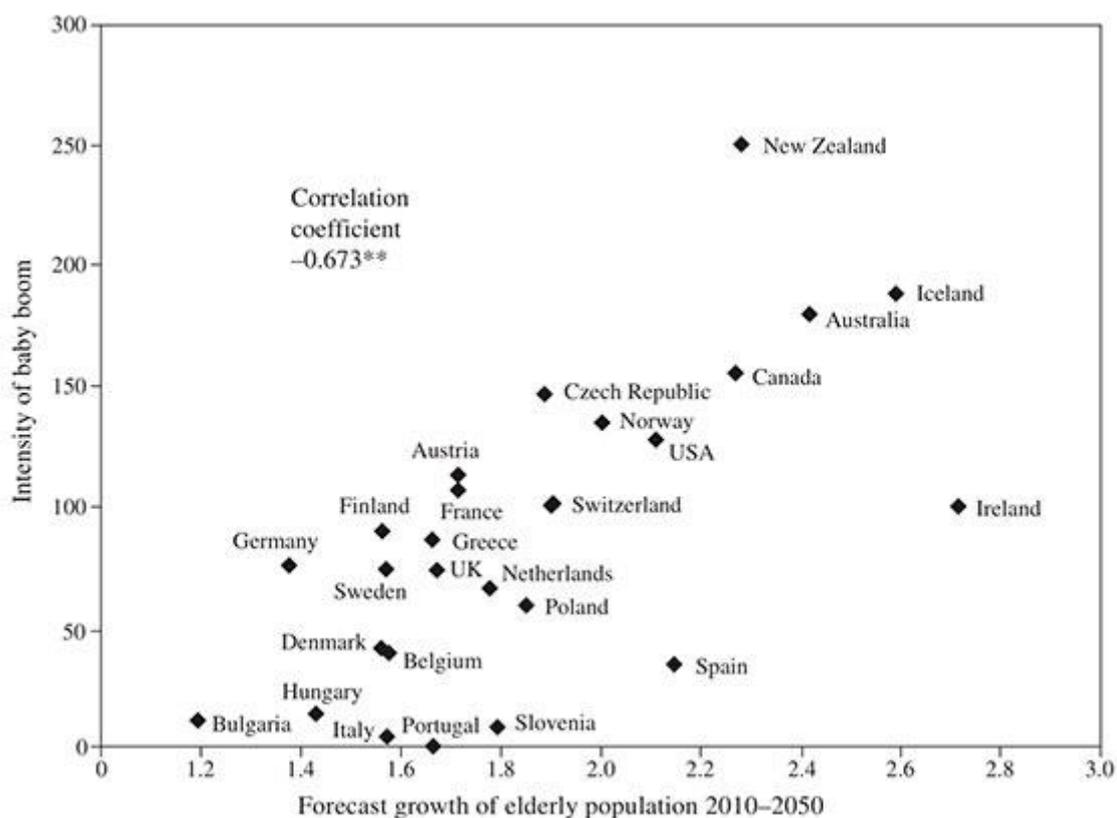

Рисунок 2. Рост численности пожилого населения (65+) за период 2010-2050 и интенсивность бэби-бума в 27 развитых странах.

SUB-REPLACEMENT FERTILITY IN NATIONAL POPULATIONS: CAN IT BE RAISED? ⁹

Пол Демени размышляет о влиянии исследователей на государственное регулирование. Автор утверждает, что есть четыре базовые функции, которые выполняют демографы: сбор данных, анализ, прогноз и разработка рекомендаций по регулированию. Если с первыми

⁹ Demeny P. (2015). Sub-replacement fertility in national populations: Can it be raised? // Population Studies, 69(sup1): 77-85.

двумя проблем, в целом нет, то с прогнозом и прикладными рекомендациями дело обстоит хуже. Дементи обосновывает это утверждение несостоятельностью предлагаемых мер по повышению рождаемости в развитых странах. Он убежден, что необходимо пробовать более радикальные меры вместо доказавших неэффективность программ материальной поддержки. В качестве примера подобных радикальных мер автор предлагает две свои идеи, которые он развивает на протяжении вот уже нескольких десятилетий: 1) дать детям право голоса на выборах, реализуемое их родителями; 2) реформировать пенсионную систему таким образом, чтобы платежи работающих поступали непосредственно их родителям. Таким образом, рожать детей станет политически и экономически привлекательно. Автор с сожалением замечает в конце статьи, что возможно, его предложения оказались слишком радикальными, и до сих пор не привлекли большого количества последователей.

POLITICAL DEMOGRAPHY: POWERFUL TRENDS UNDER-ATTENDED BY DEMOGRAPHIC SCIENCE ¹⁰

Тему взаимодействия науки и власти продолжает Майкл Тейтельбаум. Он обращает внимание на то, что, парадоксальным образом, две научные дисциплины, демография и политология, которые могли бы принести наиболее ценный вклад в принимаемые решения относительно демографического развития, оказались в стороне от реальной политики. Таким образом, формирование представлений о необходимых мерах регулирования и принятие последующих решений оставались в ведении политических активистов, экспертов сомнительной квалификации и журналистов, что зачастую приводило к переоценке несущественных угроз и недооценке реальных проблем. Статья Тейтельбаума призвана сократить разрыв между демографами и людьми, стоящими у руля демографической политики.

FERTILITY IN CHINA: AN UNCERTAIN FUTURE ¹¹

Стюарт Бастен и Куанбао Джанг размышляют о том, чем завершится самый масштабный демографический эксперимент в истории человечества - политика ограничения рождаемости в Китае. Три десятилетия жесткого вмешательства в планирование семьи уже сформировали сильно перекошенную структуру населения. По среднему варианту прогноза ООН (рис. 3), население Китая к концу столетия сократится до 800 млн. человек.

¹⁰ Teitelbaum M. S. (2015). Political demography: Powerful trends under-attended by demographic science // *Population Studies*, 69(sup1): 87–95.

¹¹ Basten S., Q. Jiang (2015). Fertility in China: An uncertain future // *Population Studies*, 69(sup1): 97–105.

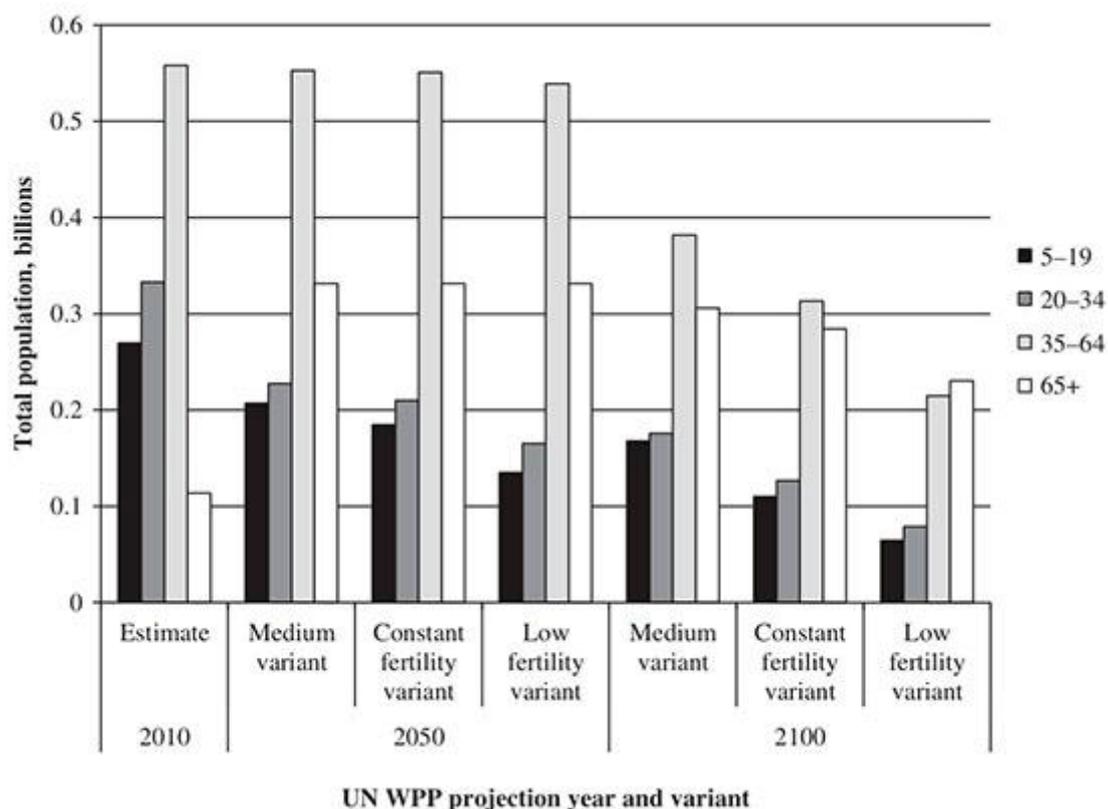

Рисунок 3. Прогнозная численность населения Китая по крупным возрастным группам

Авторы отмечают, что в сложившейся ситуации любое возможное решение в сфере демографического регулирования чревато сложными социальными последствиями. Даже если полностью отменить политику ограничения рождаемости¹², далеко не факт, что семьи немедленно решат рожать больше детей. Возможно, однодетная норма уже стала частью современной китайской культуры.

THE DEATH OF THE WEST: AN ALTERNATIVE VIEW ¹³

Завершает выпуск статья, в которой Дэвид Коулмэн и Стюарт Бастен предлагают по-новому взглянуть на будущую картину мира, противопоставляя распространенным алармистским мнениям о скором «конце Запада» более взвешенные оценки. Несмотря на то что доля Запада в мировом населении, власти и благосостоянии неизбежно будет сокращаться, в целом, демографические перспективы выглядят вполне приемлемыми и стабильными. Напротив, блестящее будущее, которое часто рисуют развивающимся

¹² 29 октября 2015 года китайское правительство приняло решение позволить всем семьям иметь по двое детей. Предварительное решение еще предстоит утвердить на съезде Коммунистической партии Китая. Источник: China to allow two children for all couples. (2015, October 29). Xinhua. Retrieved from http://news.xinhuanet.com/english/2015-10/29/c_134763645.htm

¹³ Coleman D., S. Basten (2015). The death of the West: An alternative view // *Population Studies*, 69(sup1):107–118.

странам, отнюдь не обязательно достижимо. Демографический дивиденд, давший могучий импульс экономического роста в развитых странах, совершенно не автоматически сработает в развивающихся странах. Социальные институты могут не поспеть за стремительностью демографического перехода. Среди потенциальных угроз: утечка умов, перенаселение, нехватка ресурсов (в первую очередь, пресной воды), неспособность экономики трудоустроить многочисленную молодежь и, как результат, социальная напряженность. Так что предполагаемое радужное будущее развивающихся стран может оказаться не столь прекрасным. Демографические вызовы, стоящие перед развитыми странами, наоборот, оказываются не столь угрожающими, как казалось десятилетия назад, – многочисленные механизмы адаптации к увеличивающейся продолжительности жизни и старению населения заставляют пересматривать некогда столь мрачные прогнозы о будущем Запада.

HOW MANY MORE MISSING WOMEN? EXCESS FEMALE MORTALITY AND PRENATAL SEX SELECTION, 1970-2050¹⁴

Джон Бонгартс и Кристоф Жильмото опубликовали исследование, вероятно, наиболее шокирующего из всех типов гендерного неравенства - родительского предпочтения в пользу сыновей. Повышенные риски смертности у девочек наблюдались во все времена, что зачастую приводило к перекосам возрастно-половых структур населения, по крайней мере, в молодых репродуктивных возрастах. Но технологические достижения современности вооружили родителей возможностью избирательных аборт, что сильно отразилось на соотношении полов при рождении в некоторых регионах мира. Если на протяжении столетий это соотношение держалось повсеместно на уровне 105-106 мальчиков на 100 девочек, то в последние десятилетия в некоторых странах Азии и Восточной Европы оно превысило 115. Усиление этого гендерного неравенства, по сути, неравенства в праве появиться на свет, привело к проблеме "потерянных женщин" ("missing women"), которая остро ощущается в определенных регионах. Авторы статьи предлагают новый метод оценивания числа "потерянных женщин" с учетом отдельного вклада двух основных факторов: пре-натального (до рождения, селективные аборты) и пост-натального (после рождения, повышенная детская смертность девочек). Иллюстрируют свой метод исследователи с помощью анализа нехватки женщин за последние четыре десятилетия и прогноза на период с 2010 по 2050 годы (рис. 4).

Результаты исследования показывают, что численность "потерянных женщин" в мире неуклонно росла с 1970 года и продолжит расти еще как минимум два десятилетия. Общая численность недостающих женщин, вполне вероятно, достигнет 150 млн, и лишь после этого начнет плавно снижаться. Селективные аборты, ставшие доступными сравнительно недавно, способствовали резкому росту нехватки женщин. Это отчетливо видно при сравнении когорт до и после широкого распространения ультразвукового определения пола будущего ребенка (рис. 5).

¹⁴ Bongaarts J., C.Z. Guilmoto (2015). How many more missing women? Excess female mortality and prenatal sex selection, 1970-2050 // *Population and Development Review*, 41(2), 241-269.

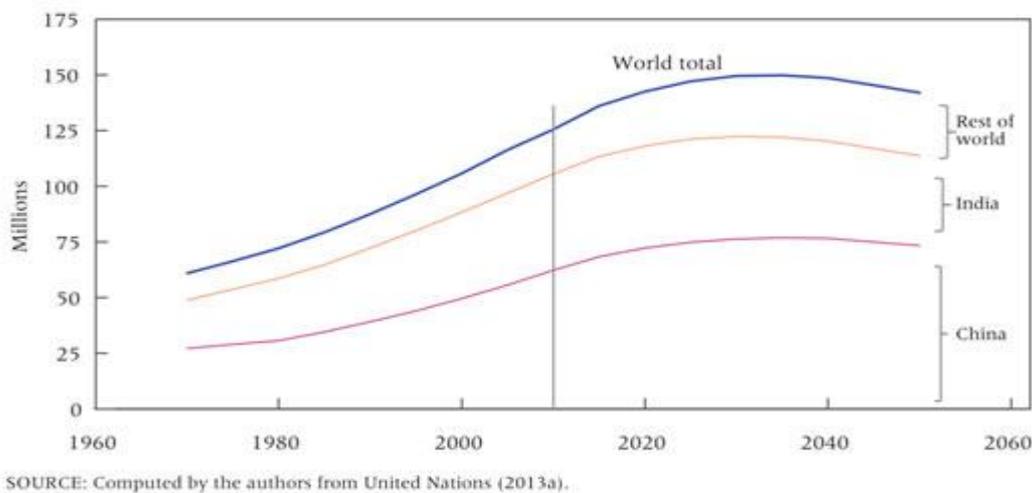

Рисунок 4. Оценочная и прогнозная численность "потерянных женщин", 1970-2050

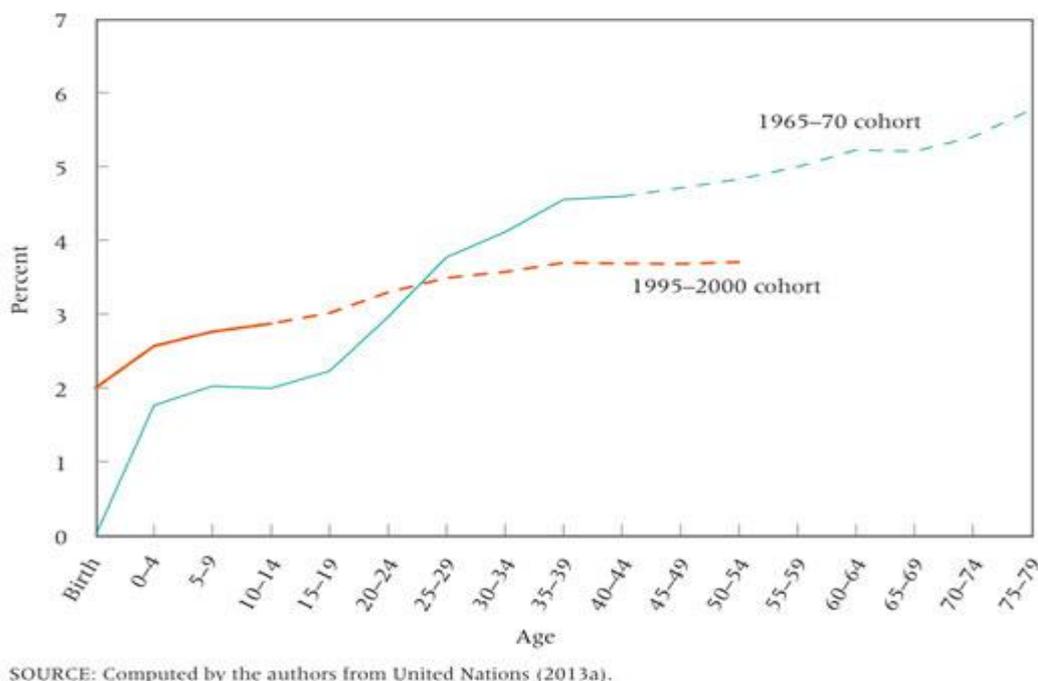

Рисунок 5. Нехватка женщин в процентах в зависимости от возраста для когорт 1965-70 и 1995-2000 годов рождения

Исследователи обращают внимание на то, что проблема селективных абортс давно на слуху, хорошо изучена и понятна людям, принимающим решения. Гораздо важнее привлечь внимание к сохраняющейся проблеме повышенной детской смертности среди девочек.

В обсуждении результатов авторы отмечают, что их оценки сильно зависят от базовых предпосылок, заложенных в прогнозные сценарии ООН. Реальное развитие гендерного баланса может сильно отличаться от представленного прогноза, особенно на уровне конкретных государств. Статья рассматривает проблему обзорно, не вдаваясь в

подробности колоссальных различий внутри стран и между ними. Авторы видят смысл статьи в формировании повестки для будущих демографических исследований.

FORTY YEARS OF IMMIGRANT SEGREGATION IN FRANCE, 1968-2007. HOW DIFFERENT IS THE NEW IMMIGRATION?¹⁵

Жан-Луи Пан Ке Шон и Грегори Вердуго исследуют, как иммиграция во Францию на протяжении 1968-2007 годов изменяла этнический ландшафт страны. Название статьи может показаться избыточно мрачным и ввести потенциального читателя в заблуждение - в действительности, авторы отмечают, что на протяжении сорока лет, изученных ими по закрытым данным переписей населения, уровень этнической сегрегации неуклонно снижался. Вопреки распространённым алармистским заблуждениям, несмотря на усилившийся приток иммиграции и увеличившуюся долю переселенцев не из Европы, общий уровень сегрегации снижается. Нет никаких моноэтнических поселений или гетто, все большее число иммигрантов живет в переписных участках (поскольку авторы используют переписи населения, они оперируют этим понятием) с низкой долей иммигрантов из их стран происхождения. Кроме того, продолжительность проживания во Франции негативно связана с вероятностью проживания в сегрегированном месте, что свидетельствует о сильном адаптационном процессе.

Авторы используют труднодоступные для изучения данные шести переписей населения: 1968, 1975, 1982, 1990, 1999 и 2007 годов. Из каждой переписи они используют для анализа 25%-ную выборку. Сегрегация измеряется индексом разнородности (*index of dissimilarity*). Авторы с сожалением отмечают, что ограничения данных не позволяют им отдельно изучать второе поколение, детей иммигрантов.

Анализ показывает, что плотность проживания иммигрантов практически из всех стран снижалась на протяжении последних 40 лет (табл. 1).

В результате бурного роста масштабов иммиграции во Францию на протяжении последних десятилетий существенно выросла средняя доля иммигрантов в населении переписного участка. Но при этом роста этнической сегрегации не наблюдалось. То есть, большее число иммигрантов стало распределяться по стране равномернее, свидетельствуя о том, что распространенные представления о поляризованном французском обществе - не более чем миф. У страха глаза велики.

Авторы статьи отмечают, что их результаты не призывают закрыть глаза на наличие этнической сегрегации в стране. Они предлагают более взвешенно смотреть на реальную картину и без сожалений расставаться с устаревшими (или даже никогда не имевшими реальных оснований) предрассудками.

¹⁵ Shon J.-L. P. K., G. Verdugo (2015). Forty years of immigrant segregation in France, 1968-2007. How different is the new immigration? // *Urban Studies*, 52(5): 823-840.

Таблица 1. Индексы разнородности проживания иммигрантов во Франции: а) по странам исхода; б) по "геокультурной" принадлежности.

Table 1. Indices of dissimilarity (%).

a. By national origin.

Year	Observed indices						Diff. (observed – random indices)					
	1968	1975	1982	1990	1999	2007	1968	1975	1982	1990	1999	2007
Algeria	53	44	41	40	40	40	41	33	31	29	29	31
Morocco	54	47	44	42	43	41	33	29	30	29	30	30
Tunisia	43	41	38	38	40	40	26	24	24	23	24	25
Turkey	52	56	56	55	58	55	25	27	34	35	37	38
Italy	27	25	24	24	27	27	18	14	13	12	12	12
Spain	31	29	26	25	28	28	20	17	13	11	11	10
Portugal	51	37	32	28	30	30	35	26	22	17	18	18

b. By 'geocultural' origin.

Year	Observed indices						Diff. (observed – random indices)					
	1968	1975	1982	1990	1999	2007	1968	1975	1982	1990	1999	2007
Sub. Africa	47	51	46	41	38	37	25	29	31	27	26	28
North Africa	43	38	37	36	38	38	33	29	29	28	30	31
East Asia	60	57	51	44	41	38	20	24	33	30	27	26
Middle East	47	50	45	40	45	42	24	26	28	25	28	28
South Europe	25	24	21	20	22	22	18	16	14	12	13	13
Other European	26	27	27	26	27	27	16	16	16	15	14	16

Source: French censuses.

Note: Reference population = urban units of more than 50,000 inhabitants. The left panel displays the weighted average dissimilarity indexes across urban units. The right panel displays the difference between the observed and a random index weighted average. A break in series occurred in 2007 with the implementation of the redesigned census.

TWO IS BEST? THE PERSISTENCE OF A TWO-CHILD FAMILY IDEAL IN EUROPE¹⁶

Томаш Сobotка и Ева Божуа изучили, как изменялись среднестатистические взгляды европейцев на предпочтительный размер семьи на протяжении последних трех десятилетий. В первом приближении, почти никак. Подавляющее большинство европейских семей (55-70%, рис. 6) на протяжении десятилетий озвучивают простой идеал - двое детей. Несмотря на значительные изменения реальных показателей рождаемости, предпочтения остаются практически неизменными.

¹⁶ Sobotka T., É. Beaujouan (2014). Two is best? The persistence of a two-child family ideal in Europe // Population and Development Review, 40(3): 391–419.

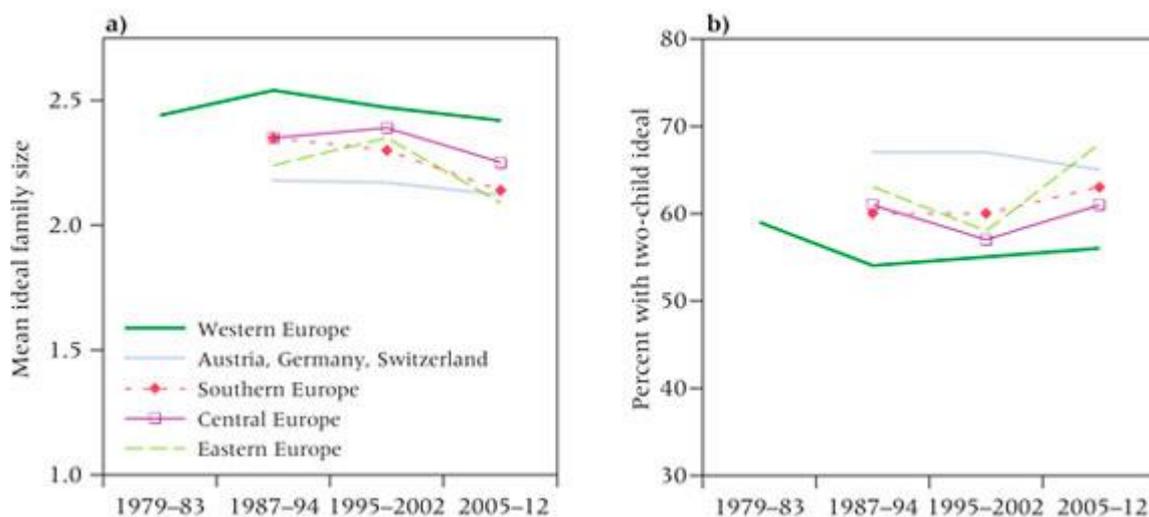

Рисунок 6. Средний идеальный размер семьи (а) и доля респондентов, указавших двоих детей в качестве идеала (б), в Европе; женщины в возрасте 15-49 лет; усредненные значения по всем обследованиям за выбранный временной отрезок.

Примечание: данные на панели (б) скорректированы с учетом пропущенных и нечисловых ответов.

Устойчивость идеала просто поразительна. Авторы исследования собрали воедино все доступные им европейские обследования, включавшие в себя вопросы относительно предпочтительного размера семьи. В общей сложности анализ опирается на данные 168 обследований в 37 странах, проведенные в период с 1979 по 2012 годы. Массив обработанных авторами данных еще больше: некоторые обследования им пришлось исключить из анализа, поскольку доля не ответивших респондентов была чрезмерно высокой. И несмотря на пространственное, временное и даже методологическое разнообразие обследований, результаты очень сходны, а средние значения мало изменяются во времени.

Более пристальное изучение выявляет любопытные тенденции. Наблюдается устойчивая конвергенция предпочтений в сторону еще большего доминирования двухдетной семьи. Иными словами, две соседние панели одно и того же обследования показывают изменение в предпочтениях, зависимое от изначального значения показателя (рис. 7).

Данное наблюдение свидетельствует о том, что двухдетная норма со временем становится все более и более распространенной. Этот вывод противоречит многочисленным ранее опубликованным исследованиям, в которых с некоторой тревогой (и на значительно меньших данных) отмечается смена предпочтения в сторону однодетной семьи или даже бездетности.

Размышляя о полученных результатах, авторы отмечают, что желаемое число детей, которое стабильно держится на уровне чуть выше простого воспроизводства, реализуется в когортной рождаемости значительно ниже уровня простого воспроизводства (1,7 против 2,2 детей на женщину, соответственно). Такова цена многочисленных факторов, препятствующих осуществлению идеальных планов. В завершение статьи, Сobotка и

Божуа приводят некоторые распространенные объяснения, почему же именно двое детей - идеал большинства европейских семей.

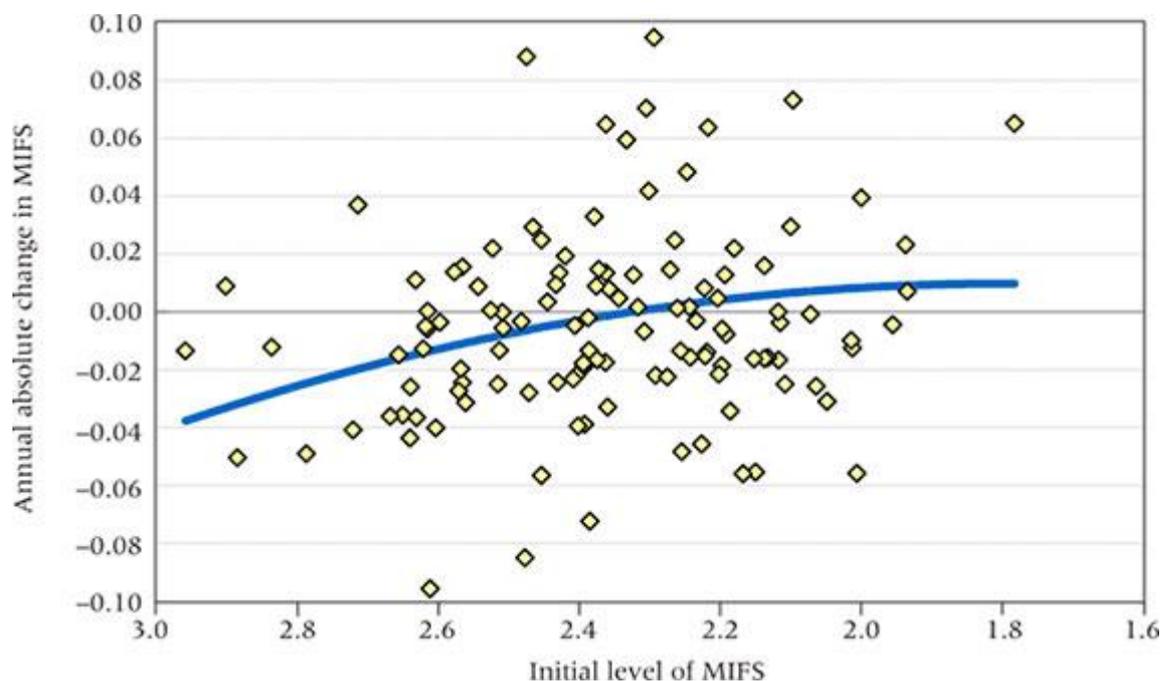

Рисунок 7. Среднегодовое изменения среднего идеального числа детей в семье (MIFS) между двумя соседними панелями обследований в зависимости от изначального значения показателя; 127 пар обследований в Европе; 1979-2011 годы

Примечание: четыре пары обследований с изначальным значением идеального размера семьи более 3.0 были исключены; линия тренда - полином второй степени, рассчитанный в программе MS Excel.

RE-THEORIZING FAMILY DEMOGRAPHICS ¹⁷

Госта Эспинг-Андерсен и Франческо Биллари предлагают пересмотреть представления о взаимосвязи роли семьи, образования и рождаемости. Взглянуть по-новому на будущее рождаемости они предлагают через призму гендерного равенства.

Существующие теории пост-переходного развития рождаемости предсказывают "менее семейное" ("less family") будущее: усиление нестабильности семей (партнерских союзов), снижение брачности и рождаемости. И эти взгляды подтверждались эмпирическими данными на протяжении всей второй половины двадцатого века. Лишь в последние годы эмпирические свидетельства заставили пересмотреть устоявшиеся уже теории. Авторы отмечают три главных момента, которые идут в разрез с базовыми теориями. Во-первых, несмотря на значительное снижение рождаемости, не произошло глобальной корректировки родительских предпочтений в сторону однодетной или бездетной семьи (см. обзор статьи Sobotka, T., & Beaujouan, 2014 в этом выпуске). Во-вторых, буквально в последние года резко изменились многолетние тренды: теперь уровень

¹⁷ Esping-Andersen G., F. C. Billari (2015). Re-theorizing family demographics // Population and Development Review, 41(1): 1–31.

рождаемости положительно взаимосвязан с экономическим развитием, доходом и занятостью женщин. В-третьих, существенные изменения наблюдаются на индивидуальном уровне: вопреки традиционным представлениям и теориям рационального выбора, сегодня более стабильные союзы и высокий уровень рождаемости характерен для людей с более высоким уровнем образования. В статье предлагается новая теоретическая концепция, объясняющая недавние развороты трендов. Предложенная в статье теоретическая конструкция опирается на идею важности гендерного равенства для быстрого и эффективного восстановления рождаемости после закономерного но временного снижения. Таким образом, скорость восстановления рождаемости авторы увязывают со скоростью распространения эгалитарных гендерных норм. В свою очередь, распространение гендерного равноправия моделируется с помощью стандартной эпидемиологической модели диффузии (забавно, что в такой терминологии гендерный эгалитаризм рассматривается как эпидемия).

Эспинг-Андерсен и Биллари иллюстрируют ключевую идею на примере европейских стран, сравнивая взаимосвязь гендерного равенства и прочности союзов в конце 1980-х и конце 2000-х годов (рис. 8). Произошедшее в последние годы изменение зависимости отчетливо видно при данном сравнении.

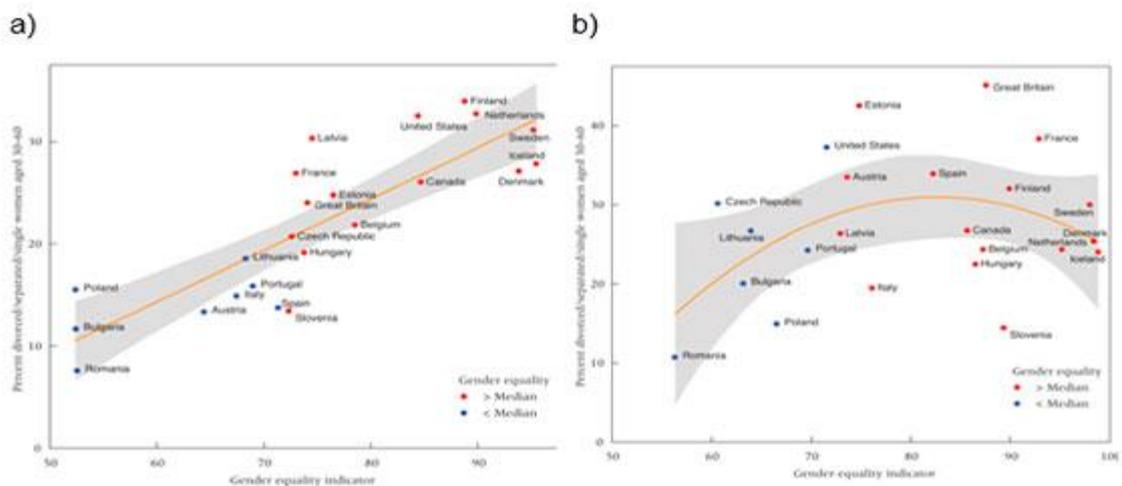

Рисунок 8. Взаимосвязь гендерного эгалитаризма и стабильности партнерских союзов в конце 1980-х (а) и конце 2000-х годов (б)

Основные положения новой теории исследователи формулируют в пяти утверждениях.

1. В отсутствие мощного внешнего воздействия, общество остается в состоянии традиционного равновесия. Вне зависимости от того, был ли исходный импульс экзогенным или эндогенным, рост уровня образования среди женщин запускает процесс трансформации общества, отдаляя его от традиционного.
2. Уход от традиционного общества необратим и развивается независимо от экзогенных факторов, спровоцировавших исходный импульс, до тех пор, пока все население не станет эгалитарным.

3. Менее разнородные и стратифицированные общества склонны к более стремительной и всепроникающей диффузии эгалитаризма, т.е. не возникает закрытых сообществ, не затронутых процессом. И наоборот, чем выше неравенство в обществе (например, этническое), тем медленнее и менее равномерно происходит диффузия.
4. Чем сильнее распространены эгалитарные нормы в обществе, тем выше вероятность совместимости двух конкретных представителей этого общества. Таким образом, в результате гендерного равенства происходит укрепление партнерских союзов и увеличение рождаемости.
5. Окончательное утверждение гендерного эгалитаризма в качестве новой социальной нормы позволит семьям всех социальных страт точнее воплотить свои предпочтения в области планирования семьи. В итоге, по завершении переходного периода, воспроизводство станет Парето-оптимальным.

LOW FERTILITY, SOCIOECONOMIC DEVELOPMENT, AND GENDER EQUITY¹⁸

Томас Андерсон и Ханс-Петер Колер утверждают, что изучения последних десятилетий недостаточно, чтобы объяснить колоссальную вариацию уровней рождаемости среди развитых стран, которые, как принято считать, уже находятся на завершающей стадии социально-экономических преобразований (в частности, демографического перехода). Для того, чтобы объяснить, почему одни страны успешно вернулись почти к уровню простого воспроизводства, а другие как будто застряли в ловушке сверхнизкой рождаемости, необходимо существенно расширить горизонт исследования и рассматривать переходный период комплексно. По мнению авторов, время начала и скорость преобразований определяют итоговый уровень, на котором стабилизируется рождаемость. Страны первой волны демографического перехода (например, Скандинавские страны) испытывали очень плавные, постепенные изменения, поэтому их общества успели адаптироваться к новым условиям, в частности, выработать новые эгалитарные взгляды на гендерные роли. Страны-последователи испытывали гораздо более стремительные преобразования, и их социальные структуры не успели перестроиться. Ключевой параметр отставания догоняющих стран — гендерное равенство. Именно с его развитием и распространением и будет связано, по мнению авторов, неизбежное восстановление рождаемости в странах второй волны демографического перехода.

Отмечая важность гендерного равенства в объяснении динамики рождаемости, авторы предлагают любопытную концепцию *дивиденда гендерного равенства*. Логическая конструкция выглядит следующим образом. Во время демографических преобразований на протяжении нескольких поколений наблюдается суженное воспроизводство. Это означает, что в основных детородных (или, даже важнее, брачных) возрастах молодые поколения

¹⁸ Anderson T., H.-P. Kohler (2015). Low fertility, socioeconomic development, and gender equity // *Population and Development Review*, 41(3): 381–407.

оказываются малочисленнее старших. Учитывая устойчивую разницу в возрасте вступления в брак между мужчинами и женщинами, подобная ситуация приводит к постоянной нехватке молодых женщин (табл. 2). Недостаток женщин, в свою очередь, создает благодатные условия для развития гендерного равенства. Эгалитаризм во взглядах на гендерные роли, как отмечают многочисленные современные исследования (см. обзор статьи Esping-Andersen, G., & Billari, F. C. 2015 в этом выпуске), сильно способствует восстановлению рождаемости в пост-переходный период.

Таблица 2. Отношение числа мужчин 25-30 лет к числу женщин 20-25 лет и средний возраст вступления в брак в некоторых странах первой волны демографического перехода в 1955 году.

Страна	Мужчины (25-30) / женщины (20-25)	Средний возраст вступления в брак	
		Мужчины	Женщины
Швеция	1,11	26,2	23,2
Франция	1,06	25,3	22,5
США	1,09	23,3	20,6
Бельгия	1,05	24,8	22,0
Норвегия	1,17	25,6	22,2
Великобритания	1,04	24,8	21,8

В странах первой волны демографического перехода было достаточно времени на постепенное выравнивание гендерного дисбаланса, что отразилось на восстановлении рождаемости уже в начале XXI века. Развитые страны последующей волны демографического перехода пока не успели пересмотреть гендерные взаимоотношения, что сдерживает восстановление рождаемости. Однако, по мнению авторов, их путь предопределен логикой демографического развития.

Описанная в статье модель демографического развития на завершающих стадиях демографического перехода видоизменяет классическую схему демографического перехода. Андерсон и Колер предлагают выделять 6 стадий демографического перехода, чтобы корректно отразить колебания рождаемости, сопутствующие росту гендерного равенства (рис. 9).

В завершение статьи авторы отмечают некоторые ограничения их теории. Во-первых, модель не учитывает прочих факторов, способствующих снижению рождаемости помимо гендерного равенства. Предложенная модель описывает развитие общества на очень продолжительном этапе трансформации. Разумеется, в течение демографического перехода в некоторых странах случаются периоды усиленного локального влияния прочих внешних факторов. Так, например, затяжной экономический кризис последнего десятилетия и, как результат, высокий уровень безработицы среди молодежи в странах Южной Европы оказываются крайне негативным фоном для восстановления рождаемости. Во-вторых, модель не способна объяснить феномен бэби-бума 1940-1960-х годов в развитых странах. На протяжении бэби-бума произошел значительный откат в области гендерного равноправия: целые поколения женщин вновь массово приняли традиционные гендерные роли. Наконец, третье проблемное место, отмеченное авторами, — наличие некоторых стран, развитие которых совершенно не укладывается в описанную схему. Наиболее яркие примеры таких стран — Германия и Австрия, которые, несмотря на раннее

начало демографического перехода, не испытали бурного развития прав женщин во время дивиденда гендерного равенства.

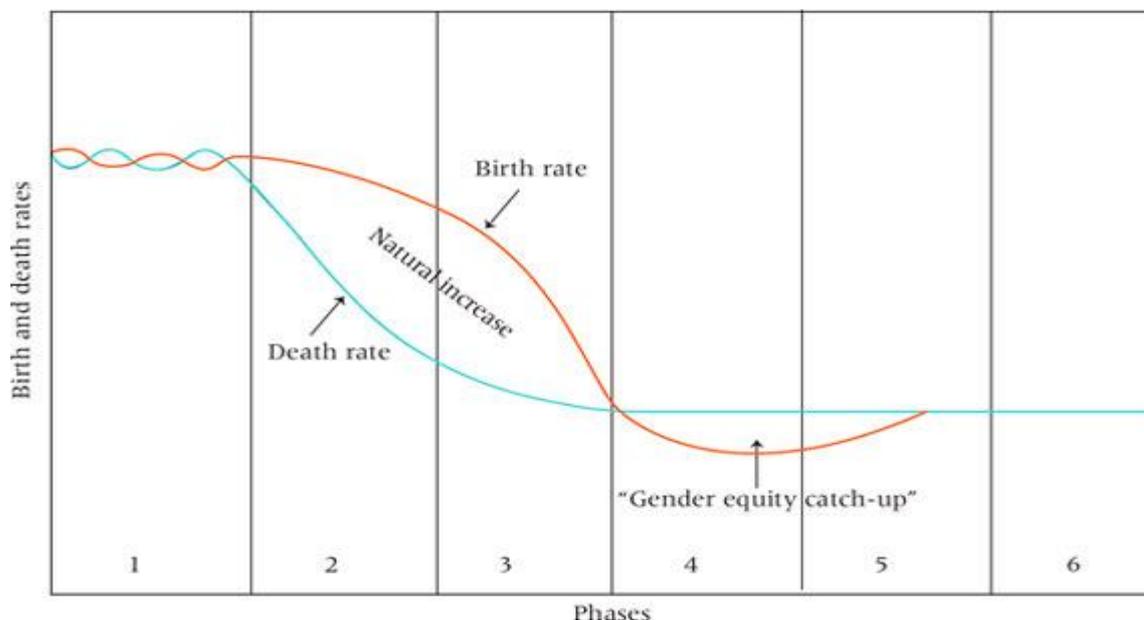

Рисунок 9. Схема демографического перехода, расширенная для отражения догоняющего развития гендерного равенства

INTERNAL DISPLACEMENT AND THE SYRIAN CRISIS: AN ANALYSIS OF TRENDS FROM 2011–2014¹⁹

Внимание мировой общественности приковано, в основном, к проблеме международных беженцев. Существенно меньше обсуждаются вынужденные внутренние миграции населения, страдающего от затяжной гражданской войны. Масштаб бедствия отчетливо предстает в работе Шэннона Дуси и соавторов (рис. 10).

До половины населения некоторых регионов страны были вынуждены покинуть привычные места проживания из-за гражданской войны к концу 2014 года. Всего же с начала вооруженного конфликта в 2011 году к концу 2014 года, по оценкам Проекта Оценки Возможностей (ACAPS), от 6,6 до 7,6 млн сирийцев вынуждены были совершить внутренние миграции. При этом население Сирии до начала войны составляло около 23 млн человек, а к концу 2014 года снизилось до 18 млн; более 4 млн беженцев покинуло территорию страны. Примечательно, что и в абсолютном и в относительном выражении выделяются три крупнейшие городские агломерации: Алеппо, Дамаск и Хомс. Более 60% вынужденно мигрировавших семей были вынуждены впоследствии переселиться еще, как минимум, один раз.

¹⁹ Doocy S., E. Lyles, T. D. Delbiso, C. W. Robinson, The IOCC/GOPA Study Team. (2015). Internal displacement and the Syrian crisis: an analysis of trends from 2011-2014 // Conflict and Health, 9(1): 33.

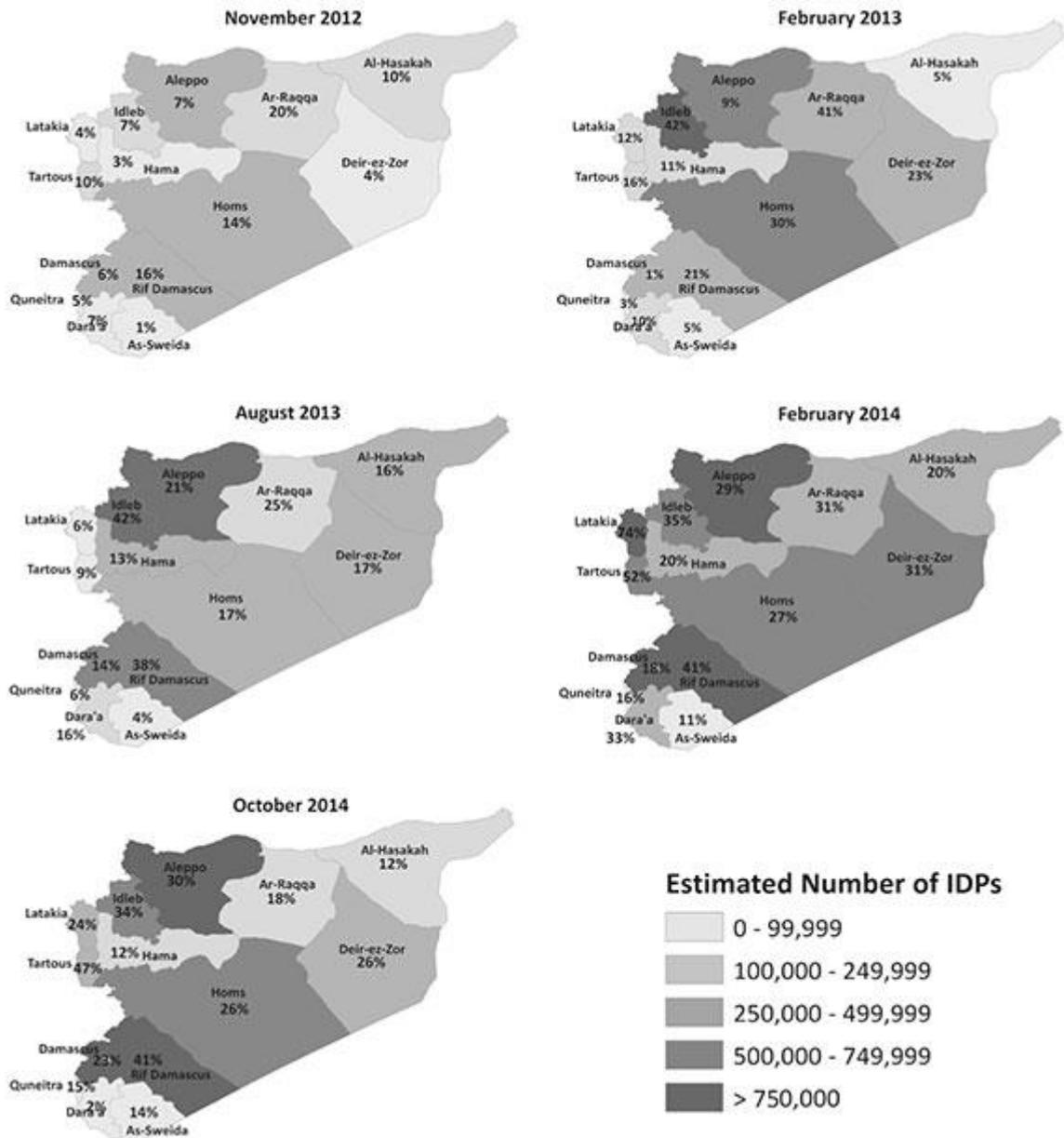

Рисунок 10. Пространственное распределение внутренних вынужденных переселенцев в Сирии на протяжении вооруженного конфликта

Также в статье авторы приводят результаты собственного обследования 3869 сирийских домохозяйств (в 30 домохозяйствах дополнительно проводились глубинные интервью), целью которого было выявить, насколько неудовлетворенными остаются базовые потребности вынужденных внутренних переселенцев в сравнении с неподвижным населением Сирии. Различий между двумя группами домохозяйств в доступе к базовым благам практически нет. Это еще раз показывает, насколько повсеместно распространились тяготы затянувшейся уже более чем на 4 года гражданской войны.

THE IMPACT OF SYRIAN REFUGEES ON THE LABOR MARKET IN NEIGHBORING COUNTRIES: EMPIRICAL EVIDENCE FROM JORDAN ²⁰

Волна сирийских беженцев захлестнула близлежащие страны. И если два миллиона переселенцев – пусть и огромная, но посильная проблема для 75-миллионной Турции, то в 6-миллионной Иордании доля сирийских беженцев уже превысила 10% от общей численности населения, а в 4,5-миллионном Ливане – 20%. Али Факих и Мэй Ибрагим проанализировали влияние сирийских мигрантов на рынок труда в Иордании. Парадоксальным образом, появление новой огромной группы потенциальных работников (табл. 3) никак не отразилось на вероятности трудоустройства местного населения.

Таблица 3. Зарегистрированные сирийские беженцы и оценки активного трудоспособного населения в Иордании

	Местное население	Зарегистрированные беженцы	Плотность беженцев	Активное трудоспособное население	
				Местные	Сирийские беженцы
Амман	2 473 400	164 297	0,067	604 897	41 426
Ирбид	1 137 100	139 716	0,115	292 325	35 690
Зарка	951 800	66 624	0,073	202 843	14 063
Всего (три города)	4 562 300	370 637	–	1 100 065	91 179
Иордания	6 388 000	604 868	0,095	–	–

Авторы статьи предлагают не спешить радоваться подобным выводам. Скорее всего, отсутствие повышенной конкуренции при трудоустройстве вызвано ограниченными возможностями сирийских беженцев. Власти Иордании не торопятся создавать им условия для нормального трудоустройства. Среди прочих потенциальных причин исследователи отмечают следующие: 1) фирмам запрещено принимать на работу беженцев; 2) многие беженцы работают в неформальном секторе; 3) вынужденные переселенцы сконцентрированы в правительственных лагерях и не имеют свободы передвижения; 4) беженцы не обладают навыками, необходимыми для большинства работ. При этом авторы отмечают, что, вне зависимости от сирийско-иорданского контекста, многочисленные предыдущие исследования также не находили сильного давления мигрантов на рынок труда принимающих стран.

EDUCATIONAL ASSESSMENT OF SYRIAN REFUGEES IN TURKEY ²¹

Туба Биркан и Улаш Суната исследовали доступ детей сирийских беженцев в Турции к образованию. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR), с начала гражданской войны к середине 2015 года в Турцию переселились более 1,8 млн сирийцев (рис. 11).

²⁰ Fakh A., M. Ibrahim (2015). The impact of Syrian refugees on the labor market in neighboring countries: empirical evidence from Jordan // Defence and Peace Economics, 0(0): 1-23.

²¹ Bircan T., U. Sunata (2015). Educational assessment of Syrian refugees in Turkey // Migration Letters, 12(3): 226-237.

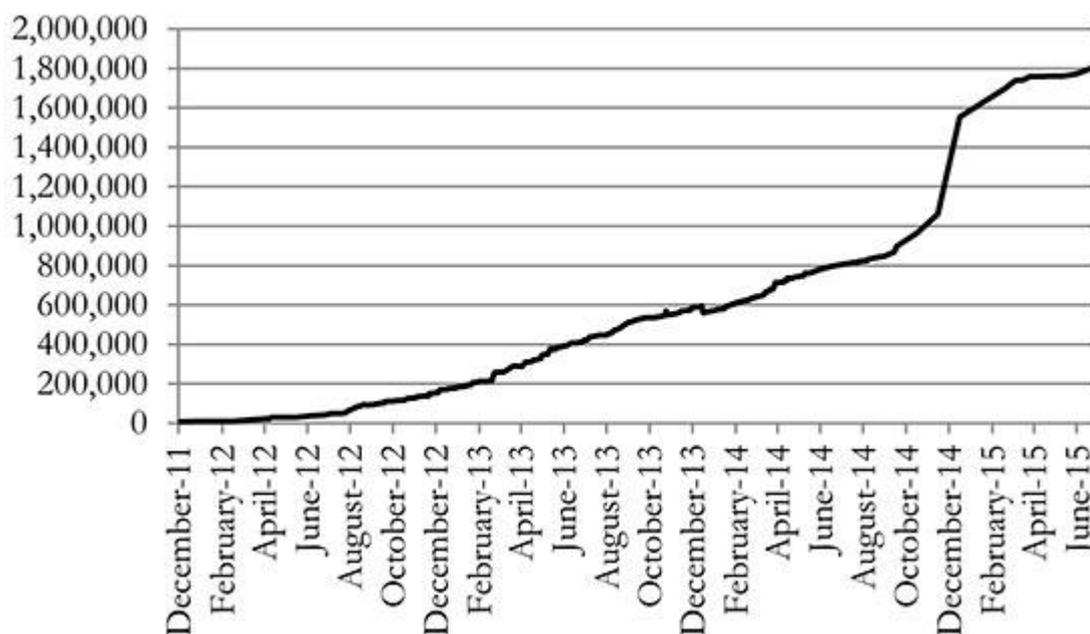

Рисунок 11. Число зарегистрированных сирийских беженцев в Турции

Около половины всех беженцев - несовершеннолетние (до 18 лет). Уже сейчас понятно, что вооруженный конфликт в Сирии приобрел затяжной характер, а значит, турецкий власти не вправе рассчитывать на то, что большинство сирийских беженцев в скором времени покинут страну. Вопрос образования детей беженцев стоит чрезвычайно остро.

В 22 правительственных лагерях, где есть возможность централизованного предоставления образования детям, проживает не более 15% беженцев. Остальные самостоятельно ищут способы заработка и выживания, в основном, в крупнейших городах Турции. По оценкам 2014 года, до 70% детей сирийских беженцев (около 550 тыс. на тот момент) не обучались в школе в Турции. Лишь 76,1 тыс. детей обучались в школах лагерей для беженцев в середине 2015 года. К середине 2016 года, по прогнозу, это число должно увеличиться до 170 тыс. Однако, по мнению авторов, на образование детей беженцев выделяется недостаточное финансирование - не более 4% бюджета лагерей. Если власти Турции и международная общественность не хотят "потерять" целое поколение сирийских детей, ситуация должна быть пересмотрена.

PERCEPTIONS AND NEWSPAPER COVERAGE OF SYRIAN REFUGEES IN TURKEY²²

Филиз Гёктунэ Йайлачи и Мине Каракуш провели системный анализ публикаций и сирийских беженцах в трех ведущих турецких газетах (*Hurriyet*, *Yeni Safak* и *Cumhuriyet*) в 2014 году. Задачей исследователей было выявить различия в тональности публикаций, формирующих общественное мнение и отношение к беженцам. В отличие от

²² Yaylacı F. G., M. Karakuş (2015). Perceptions and newspaper coverage of Syrian refugees in Turkey // *Migration Letters*, 12(3): 238–250.

предшественников, авторы статьи проследили яркую зависимость между тональностью высказываний о мигрантах в прессе и политической направленностью изданий: газеты освещают события исключительно в свете интересов аффилированных с ними политических сил.

Всего было отобрано более 4000 публикаций по ключевым словам; далее проводился контекстный анализ содержания статей. Авторы отдельно анализировали новостные заметки и развернутые статьи. Также отдельный анализ проводился для новостей о трех основных группах беженцев: сирийцах, езидах и курдах (рис. 12).

Yeni Safak, проправительственная газета, крайне неохотно освещала проблемы беженцев-езидов, в чем авторы статьи усматривают целенаправленную дискриминацию данной неисламской группы беженцев. В противовес ей *Hurriyet* и *Cumhuriyet* подробно освещали злодеяния боевиков «Исламского государства» (организация признана террористической и запрещена в РФ) в отношении езидов. Кроме того, эти две оппозиционные газеты активно критиковали власти за дискриминацию беженцев-езидов.

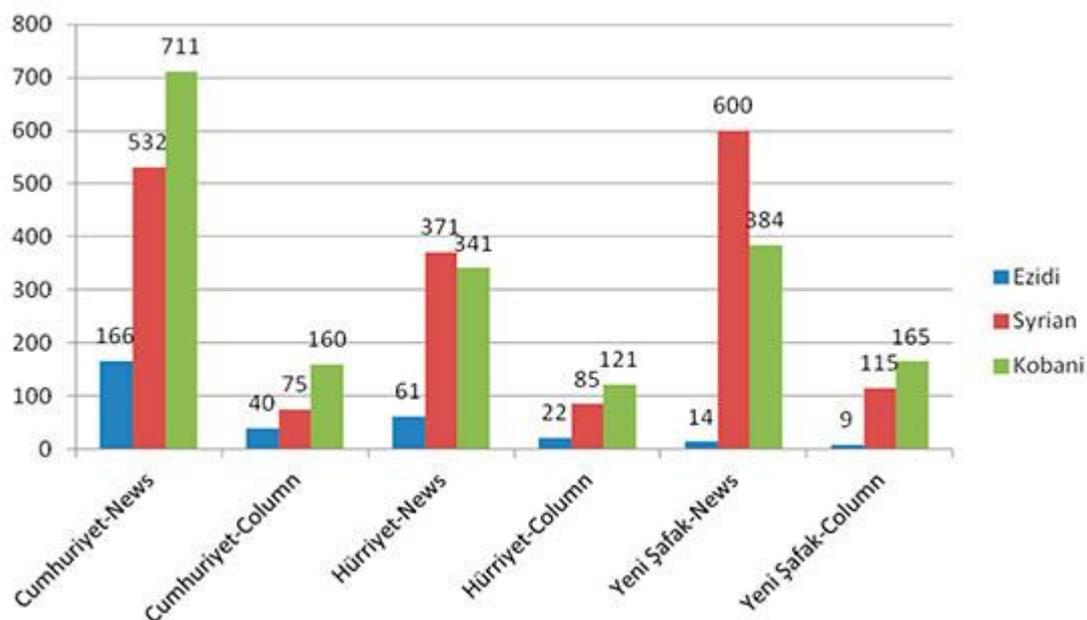

Рисунок 12. Количество новостных заметок и статей о беженцах из Сирии в трех крупнейших турецких газетах в 2014 году.

Основное же внимание проправительственной *Yeni Safak* уделяется сирийским беженцам. При этом активно подчеркивается щедрость Турции (правлящего режима) в отношении сирийских беженцев. *Cumhuriyet*, наоборот, активно критикует правительство за предоставление всех возможностей сирийцам и игнорирование интересов прочих групп беженцев. *Hurriyet* занимает по данной теме взвешенную позицию, примерно в равной степени освещая и правительственную и оппозиционную точки зрения, но при этом не забывая активно критиковать действия США.

Существенное внимание беженцам-курдам объясняется исключительно тесной связью темы с вопросами внутренней политики. Все три газеты упоминают о беженцах-

курдах исключительно в контексте национальных интересов. *Yeni Safak* и *Cumhuriyet* выражают диаметрально противоположные взгляды на связь курдских беженцев с внутренним курдским вопросом, *Hurriyet* вновь занимает выжидательно-взвешенную позицию, предоставляя косвенно чуть больше простора для развития своих взглядов проправительственным источникам.

Авторы заключают, что критическое сравнение подачи информации тремя крупнейшими изданиями позволяет составить чуть более объемную картину происходящего.

DEMOGRAPHIC DIGEST

DIGEST IS COMPOSED BY ILYA KASHNITSKY

E-MAIL: ikashnitsky@hse.ru

- *Coleman D., S. Basten, F. C. Billari.* Population — The long view
- *Billari F. C.* Integrating macro- and micro-level approaches in the explanation of population change
- *Livi-Bacci M.* What we can and cannot learn from the history of World population
- *Kreager P.* Population theory — A long view
- *Sear R.* Evolutionary contributions to the study of human fertility
- *Reher D. S.* Baby booms, busts, and population ageing in the developed world
- *Van Bavel J., D. S. Reher.* The baby boom and its causes: what we know and what we need to know
- *Lutz W., E. Striessnig.* Demographic aspects of climate change mitigation and adaptation
- *Demeny P.* Sub-replacement fertility in national populations: Can it be raised?
- *Teitelbaum M. S.* Political Demography: Powerful trends under-attended by demographic science
- *Basten S., Q. Jiang.* Fertility in China: an uncertain future
- *Coleman D., S. Basten.* The death of the West: An alternative view
- *Bongaarts J., C.Z. Guilmoto.* How many more missing women? Excess female mortality and prenatal sex selection, 1970-2050
- *Shon J.-L. P. K., G. Verdugo.* Forty years of immigrant segregation in France, 1968-2007. How different is the new immigration?
- *Sobotka T., É. Beaujouan.* Two is best? The persistence of a two-child family ideal in Europe
- *Esping-Andersen G., F. C. Billari.* Re-theorizing family demographics
- *Anderson T., H.-P. Kohler.* Low fertility, socioeconomic development, and gender
- *Doocy S., E. Lyles, T. D. Delbiso, C. W. Robinson, The IOCC/GOPA Study Team.* Internal displacement and the Syrian crisis: An analysis of trends from 2011–2014
- *Fakih A., M. Ibrahim.* The impact of Syrian refugees on the labor market in neighboring countries: Empirical evidence from Jordan
- *Bircan T., U. Sunata.* Educational assessment of Syrian refugees in Turkey
- *Yaylacı F. G., M. Karakuş.* Perceptions and newspaper coverage of Syrian refugees in Turkey